

Горькие судьбы

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Горькие судьбы ГОРЬКИЕ СУДЬБЫ

С тех пор прошло более полувека – а все же жив он в памяти людской, страшный и незабываемый 1937 год, когда ни в чем не повинного отца разлучали с сыном, когда брат отворачивался от брата, а сосед ради собственного спокойствия и спасения спешил оговорить соседа...

С некоторыми из свидетелей трагических событий полувековой давности встретился и записал их воспоминания писатель и журналист Аллаяр Чуриев.

Горькие судьбы... Вот только не которые из них.

Овезгельды Атабаев – человек, всю свою жизнь посвятивший делу ленинской партии. До революции он окончил мужскую гимназию в Ашхабаде. Его старший брат Мухаммедкули Атабаев на собственные средства открыл в Нохуре русско-туземную школу. Но проработал он там совсем немного. После смерти Мухаметкули, в марте 1916 г. заведования этой школой было поручено его младшему брату, недавнему гимназисту. После победы революции Овезгельды окончил университет, был постоянным представителем ТССР в Ташкенте и в Москве, а в 1936 году вернулся в Ашхабад – на пост заместителя наркома местной промышленности республики.

Овезгельды если можно так выразиться, пострадал вдвойне. В конце тридцатых годов он был репрессирован как враг народа, а в середине сороковых годов был освобожден и вернулся домой. Но в конце сороковых годов О.Атабаев вновь становится жертвой клеветы и высылается в Туруханский край.

Как развивались события дальше? Об этом рассказывает несколько документов, которые мне удалось отыскать. В их числе – копия телеграммы направленной Овезгельды из Туруханской в Нохур, сыну Аллаберди. В ней всего четыре слова: «Судимость снято. Паспорт получил». О Атабаев, осужденному Отдельным совещанием при НКВД СССР, 13 июля 1954 года Красноярским краевым

управлением внутренних дел выдано справка освобождений за № 6618.

Получив телеграмму от отца, Аллаберди считает уже дни-часы: Готовится к долгожданной встрече и родственники. И вот тогда неожиданно-негаданно приходит в село горькие вести...

Письмо первое

«25июля 1954 года.

Алёша мужайтесь!

Мне очень тяжело, но я должна сообщить вам печальное известие. Овезгельды получил паспорт, и это событие так повлияло на него, что он 24 июля в два часа ночью скончался. Вечером он чувствовал себя хорошо, играл в домино, рассказывал, как хорошо у него на родине. Ночью пожаловался на боль в руке, и пока я бегала за врачом, он умер. Врач установил причину смерти – паралич сердца. Такая неожиданная смерть все население совхоза. Мужчины даже плакали, дети приходили посмотреть, как спит дядя Атабаев. Я его одела во все новое. Гроб обили красным сатином. Когда его хоронили, люди говорили: «Его работа и поведение будет для нас примером». Все рыдали. Оркестра у нас нет, но его заменил хор немецких женщин. Много раз фотографировали. Все снимки я вам пришлю, если хотите. После похорон устроили обед. Вспоминали Овезгельды, пели его любимую песню. Вечная память Овезгельды!

В свою поездку к вам он откладывал до осени, так как средств не было. Надо было кое-что продать, кое-что приобрести.

Мария Степанова»

Письмо второе

«Добрый день, Алеша!

Посылаю Вам все, что вы просили. Так обидно за Овезгельды, что окончилось его жизнь, а он еще так хотел жить. Одна фотография его – 1950 г. он болел тогда гриппом. А посмотрите на него в 1954 г., он так хорошо выглядел... на фотографии у гроба, в голавах солидная дама, это наш директор. Второй снимок – это поминали О. Г., а вот на могиле снимок не вышел. Вы обратите

внимание на обстановку. Справа – это уже новый дом построенный в 53-54 гг., а вдалеке видна халупа. Вот в таких холупах жили мы. Бедна обстановка. Совхоз в последние годы началась строиться.

Я очень уважала вашего отца. Мы с ним были одинаково несчастны. Мне не вериться, что этот человек мертв. Сейчас пойду на кладбище, там делают оградку на его могиле.

Шлю лучшие пожелания.

Мария Степанова»

Благодаря стараниям Марии Степановой сохранились часть документов, рассказывающих о том, куда и при каких обстоятельствах был сослан Овезгельды. Сохранилось, например, производственная характеристика. В ней говорится, что Атабаев проработал в Туруханском овоще-молочном совхозе. С 1949 по 1954 год. В начале был поливальщиком, потом заведовал складом. Он добросовестно относился к своей работе, активно участвовал в решении производственных вопросов, вносил ценные предложения, направленные на процветания хозяйства, был избран членом местного комитета профсоюза, заведовал библиотекой, возглавлял работу «красного уголка». Сообщалось также и о том, что все жители совхоза с большим уважением относились к Атабаеву.

Рассказ о дальнейшей судьбе семьи, у истоков которой стояли известные туркменские просветители, продолжил внук Овезгельды – сорокадвухлетний Мухамедкули Атабаев, полковник медицинской службы. В год когда его дед скончался в Туруханске, он был мальчиком – первоклассником.

– Когда деда арестовали, его сыновья Аллаберды и Аман учились в университете. Им тогда сказали, что если не отрекнутся от отца, то будут отчислены. Братья наотрез отказались от такого предложения. И тогда их отчислили из университета, как детей «врага народа». Аман уехал в кунград, а Аллаберды мой отец остался в Ашгабате. Он поступил на учебу в гидромелиоративный техникум. Но и от туда был отчислен...

Когда началась Великая Отечественная война, отец добровольцем уходит на фронт. После войны он учительствовал на селе, а

университет закончил заочно.

Я спросил у него:

– А как сложилась судьба Амана?

– Аман Атабаев большую часть своей жизни прожил в Кунгуре. Был удостоен звания народного художника Каракалпакской АССР. Почти все создания произведения посвящены жизни туркмен. За четыре-пять лет до кончины он отправил письмо в Ашхабад. Написал, что уже не молод и был бы счастлив передать все свои работы в дар родной республике. Но из Ашхабада пришла отписка... года три назад Аман-ага скончался. А его работы находятся сейчас в Ташкентском музее искусств. Кстати, жертвой репрессий стал еще один представитель нашей семьи – мой дядя Хаджи Атабаев. Он до ареста был народным комиссаром совхозов ТССР. Беда обрушилась и на его семью. Сыну Хаджи – Оразмураду пришлось чабаном. Правда, позднее юноша уехал на учебу в Москву. Но, чтобы получить образование, ему пришлось изменить имя. Вот почему его знают как Михаила Атабаева.

Позднее мне удалось связаться с Михаилом. Вот его письмо.

«Если бы сегодня были живы моя мать и старшая сестра Аннакейик, вероятно, проще было бы выявить новые данные о делах, поступках и характерах этих настоящих борцов-коммунистов. А мы – я, мой брат и сестры – период до 1938 года очень мало помним и вряд ли чем-либо сможем помочь.

Я считал бы целесообразным, если, конечно, располагаете временем, ознакомить вас с очень интересной поездкой отца в Москву в 1936 году, когда 12-летней маленькой сборщице хлопка был вручен орден Ленина. В этой поездке был и я. Помню встречу М. И. Калинина и других руководителей нашего государства с хлопкоробами Узбекистана, Туркмении и других республик.

Хорошо помню отца в домашней обстановке. Был он очень чутким к нам, скромным в жизни. В те отдельные минуты, иногда – часы и очень редко – дни, когда он мог себе позволить побыть с нами, он раскрывал перед нами жизнь общества, нового общества Страны Советов...».

Но особенно подробным и интересным рассказ оказался у дочери Хаджи Атабаева. Огулсолтан-дайза живет в Ашхабаде. Когда отца арестовали ей было десять лет.

– Очень хорошо запомнила, как он прижимал нас к груди, а из глаз лились слезы, помню как целовал он нас всех. Мы никогда раньше не видели его таким. Мы удивлялись, что могло случиться с папой, ведь мы ничего тогда не понимали. Но вскоре все стало понятно. Незнакомые люди заполнили наш дом, все перевернули вверх дном, а нас выкинули на улицу. Мама плакала, жаловалась, и тогда нас поселили в крошечную кибарку, кишевшую клопами. Жить в ней не возможно было. И месяца не прошло – забрали маму со старшей сестрой Энекейик. А нас сдали в детский дом. Директор детского дома сказала мне: «Если у вас есть родственники, я вас отпущу, а иначе отправим вас в Казахстан». Я сказала, ей, что брат отца живет в Ашхабаде. «Ты сможешь найти его дом?». «Найду!» – заверила я.

Меня отпустили в сопровождении сотрудника НКВД. Брата отца звали Аннамухаммед. Он оказался дома. «Где только я не искал вас!» – обрадовался он. Сразу же пошел в детский дом и забрал всех нас оттуда. Да недолго пришлось радоваться. Через две недели ночью, пришли и за ним. Теперь у нас в Ашхабаде не осталось родни. А прежние знакомые, встречаясь на улице, отшатывались в испуге, боялись спрашивать о нашей судьбе.

Месяца через полтора сказали, что нас отправляют в Казахстан. Что делать? Обливаясь слезами, мы сели в поезд. Когда подъезжали к Ташкенту, тяжело заболел трехгодовалый Сапар. Поскольку мы были детьми «врага народа», то и отношение медиков было соответствующим. Когда мы доехали до станции Авист, из вагона увели Сапара и Гозель, сказав, что надо показать их докторам.

Только потом я поняла, что нас обманули. Меня потом оставили в Чимкенте, а братишку Оразмурада поместили в детский дом в девяти километрах от города. Потом нас перевели в Джамбул. Почти два года мы там пробыли. И ругали нас там и били... Через семнадцать месяцев освободили из тюрьмы сестру Энекейик, а позднее и маму. Они разыскали нас, всех четверых. Энекейик ужаснулась, увидев, что наголодавшийся Сапар подбирает с земли крошки хлеба и отправляет в рот...

Мама не могла спокойно рассказывать обо всем, что довелось ей перенести в тюрьме. Всего раз удалось им там увидеть отца, да

и то издали. «У него изо рта шла кровь», – говорили мама и сестра.

В Ашхабаде маме трудно было прокормить нас, и мы вынуждены были переехать в село. А там тоже на нас все косились: кто рискнет общаться семьей «врага народа»? однажды, когда братишка Сапар отправился косить траву, кто-то из односельчан накричал на него «Твой отец Туркменистан хотел уничтожить. А ты, выходит, Нохуру хочешь навредить?». Мальчишка в слезах вернулся домой. Услышав его рассказ, другой братишка Оразмурад убежал из села...

– Прошли годы, – продолжала женщина, – мы давно повзрослели. Моя сестра Гозель и сейчас живет в Нохуре. У не хорошая семья. А Сапар – в Ашхабаде, трудился на железной дороге. Он скончался недавно. Оразмурад-джан живет в Москве.

О своей жизни Огулсолтан-дайза рассказала, можно сказать, на одном дыхании. А когда мы с ней прощались, она сказала:

– Долгих лет вам жизни за память о моем отце! Какое счастье, что хороших людей на свете много! Мы слышали, что где-то в окрестностях Чарджоу есть село, носящее имя нашего отца. Значит, отец жив в памяти людей. Большого счастья нам не надо.

А.Чуриев.

«Комсомолец Туркменистана» 27.01.1990 год. Taryhy makalalar